

(Окончание. Начало в №№14,15)

В июне 1941 г. Асьма-ханум Бигеева, супруга Мусы-эфенди, с внучкой Камилей приехала из Костромы, где жила со старшей дочерью, в Ленинград навестить своих детей Ахмеда и Хинд. Последний раз она приезжала сюда в 1935 г. на свадьбу Хинд и Абдулхака Карамышева, который ухаживал за дочерью еще до высылки. Утром 22 июня Асьма-ханум с сыном и внучкой оправились в Петергоф. Они сфотографировались около фонтана «Самсон» и как только услышали об объявлении войны, вернулись в Ленинград. Ахмед пошел в военкомат и был призван на службу в авиамастерские Военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота военным инженером 3-го ранга. Асьма-ханум успела выехать в Кострому, а 28 августа 1941 г. Хинд, Абдулхак и его отец Ибрагим Карамышевы были высланы за пределы Ленинграда и Ленинградской области как социально опасные элементы.

У Карамышевых была своя история. Отец Абдулхака, Ибрагим-эфенди, происходил из известной семьи касимовских татар, а мать была крымской татаркой. Абдулхак в 1926 г. поступил в Ленинградский университет на физико-математический факультет в счет мест представителей нац. меньшинств Московской губернии. На третьем курсе он серьезно заболел. Отца тем временем арестовали, и Абдулхак получил извещение об отчислении за скрывание социального происхождения. Он ежегодно честно указывал, что отец его кустарь-скорняк, ткач и вязальщик платьев, но восстановления не последовало даже после того, как отец вышел на свободу. Из университета сообщили, что профком возражает против восстановления чуждого, вышедшего из среды торговца и оторванного от студенческой массы бывшего студента.

В августе 1941 г. Карамышевы выехали из Ленинграда в Курган, где работала Фатима Бигеева, младшая сестра Хинд. Она с отличием окончила Московский химико-технологический институт мясной промышленности, и получила рекомендацию в аспирантуру, но война внесла свои коррективы — аспирантуру закрыли. В Курган из блокадного города написали свои последние послания Ахмед и мать Абдулхака. Цензор не обнаружил в письме Ахмеда ничего недозволенного, затушевывать ничего не пришлось. Он писал о денежных переводах, отосланных матери, сестрам и брату, интересовался у младшей сестры, как она на трудовом фронте в качестве начинающего инженера-бойца, и завидовал, что ее деятельность совпала с таким суровым временем, резко повышающим творческое значение труда. Это письмо передает дух того времени и теплые отношения между близкими, заботу брата и сына о своих родных.

Фатима Фазлулловна Карамышева, мать Абдулхака, и ее старшая сноха Фатиха с детьми оставались ждать своей очереди на эвакуацию. Они жили тогда на ул. Писарева, д.18 кв.1. Эвакуации женщина не дождалась, она умерла 31 марта 1942 г. Детей успели вывезти с детским садом, а сноху — позже. Как ни старались Карамышевы после войны вернуться в любимый Ленинград, их хлопоты оказались напрасными. Прошли десятилетия, и на ул. Писарева в дом № 18, где до войны жили Карамышевы (понятно, в другую квартиру) переехала уроженка Черемешева, ветеран войны Наима

Ибрагимовна Чуракова (1921 г.р.).

Многочисленная семья Чураковых в связи с разрухой в конце 1920-х гг. уехала из деревни в Ленинград, если точнее, в Петергоф. Все мужчины работали в Балтийском пароходстве или на Балтийском заводе. В те времена, когда зимой порт в Ленинграде закрывался, рабочих переводили в Мурманск, где порт работал круглый год. О начале войны Наима-ханум услышала в Мурманске. Она добровольцем пришла в военкомат и получила направление на Карельский фронт, где в 10 км от передовой создавался армейский госпиталь. Нужно сказать, что в 1940 г. в Мурманске девушка окончила вечернее отделение медучилища. Работать было необходимо, положение в их семье было сложным. Они голодали. Мать, как жена врага народа, не могла устроиться на работу, а детей было пятеро. Дело в том, что в 1938 г. в кругу знакомых татар отец сказал, что крестьяне в колхозах живут хуже, чем жили раньше. Последовал донос, по которому вместе с Ибрагимом был арестован и его брат Садык. Возможно, дело осложнило и то обстоятельство, что их отец Файзрахман был в родном селе муллой. С августа 1941 г. хрупкая, небольшого росточка Наима оказывала первую помощь раненым. Бойцы удивлялись: таких девочек в армию берут? А в период затишья она выступала в концертах вместе с агитбригадами перед бойцами буквально на передовой. Переодевшись в платье, девушка читала стихи. Особенно запомнилось ей выступление на концерте в 1942 г., посвященном 25-летию Октября, когда читала стихотворение Л. Озерова «Бабий яр». Реакция бойцов была потрясающей, они буквально рвались в бой! Нельзя не сказать о том, что медсестра Чуракова упоминается в документальной повести писателя В.П. Беляева. В предисловии к книжке, изданной в 1943 г. в Архангельске, автор писал: «Повесть «Залив в тумане» написана мной после того, как я своими глазами на Мурманском участке Карельского фронта посмотрел благородную работу врачей и сестер, возвращающих в строй раненых и больных защитников советского Севера. В трудных условиях полярной природы, под несмолкающий вой пурги, нередко под бомбами врага они оказывают помощь пострадавшим советским воинам так же умело, как делали это еще в мирное время в светлых, прекрасно оборудованных госпиталях Москвы и Ленинграда. И они добиваются отличных

результатов, ибо возвращают в строй восемьдесят три процента раненых и больных, попавших в их руки. Такого успеха не знала еще ни одна армия мира». В повести зачастую даются подлинные факты и реально существующие люди, действовавшие на правом фланге фронта Отечественной войны. Приведем небольшой фрагмент из одного сюжета: «...Окончив процедуру, Чуракова обмыла над ванной теплой водой ногу и руку Симаченко — потемневшая грязная вода забулькала, уносясь в сточную трубу...».

Отметим интересную деталь: главного героя повести ленинградца лейтенанта Симаченко, автор «поселил» в доме за мечетью на Мичуринской улице.

В марте 1945 г. Наима Чуракова оказалась в Рыбинске, куда была передислоцирована их часть, потом получила направление на Дальневосточный фронт. Демобилизовалась в декабре 1946 г. После войны Н.И. Чуракова, следуя за мужем-офицером, переезжала из одного города в другой и служила в профессиональных театрах в Мурманске, Клайпеде, Риге, Кандалякше и др. По возвращении в Ленинград она служила в Малом драматическом театре. Потом, чтобы иметь возможность больше внимания уделять семье, вернулась к своей основной специальности, работала в различных медучреждениях, и вечерами спешила на репетиции и спектакли в Народный театр Выборгского дворца культуры, с которым выезжала на гастроли даже в Москву. Все ее родственники, пережившие суровые блокадные дни и вернувшиеся с фронта, продолжали жить в Петергофе. Одним из них был Хамза Мубинович Чураков, кадровый офицер, орденоседец, участник парада Победы 1945 г.

В жизни тех поколений была еще послевоенная разруха, восстановление народного хозяйства, голод, работа на фабриках и заводах в три смены. Супруги Мадина и Абдулла Базеевы старались помогать молодым вдовам всем, чем могли. Спустя годы автору доводилось слышать от состарившихся детей тех женщин слова благодарности и доброй памяти. Вот таким причудливым образом оказались вплетены судьбы нескольких татарских семей, проживавших в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Ко всем героям этого очерка автор имеет прямое отношение. Арибджан Асабин – прадед по материнской линии; Навмятулла Салямов – прадед по отцовской линии; Муса Бигеев – дед мужа; Наима Чуракова – двоюродная сестра бабушки по отцовской линии. Абдулла Базеев – дед по матери, а другой дед Низамитдин Салямов погиб в самом начале войны под Витебском. Он прислал единственное письмо, в котором сообщил жене, что везут на фронт, обмундирование выдали, а винтовок нет. Черемешевцы должны помнить ветеранов войны Мухаммедшу Базеева (племянника Абдуллы) и Исхака МаксUTOва (брата бабушки автора), а также еще одного прадеда автора по отцовской линии Сибгатуллу МаксUTOва, по прозвищу «субагач», которые прожили здесь всю жизнь.

Альмира Тагирджанова,
краевед, Санкт-Петербург